

DOI10.25991/AE.2020.34.1.012
УДК 091

И. И. Евлампиев

Евлампиев Игорь Иванович — доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
yevlampiev@mail.ru

ИМПЕРИЯ И КУЛЬТУРА. О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ФОРМАХ ИМПЕРСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

В статье дано широкое определение империи как формы приведения к единству различных народов, культур, социальных групп. Доказывается, что империя — это естественная и закономерная форма организации человечества, но она является положительной формой, только когда ее главной целью становится созидание высокой культуры; наглядный пример этому дает Древний Рим. В окончательной форме общественная модель «империи культуры» была создана немецким романтизмом и немецкой философией начала XIX в. В них проявилось подлинное христианство, основанное на идее тождества Бога и человека, признающее человека свободным, творческим существом. Однако в истории господствовало ложное христианство церкви, отрицающее внутреннюю свободу человека и его способность к творчеству. Эта тенденция в секуляризованной форме выразилась в мировоззрении Просвещения и в либеральной концепции общества, которую можно признать негативным вариантом идеи империи. Окончательной формой либеральной империи стала Американская империя, распространившая свое влияние на весь мир; ее господство означает радикальный кризис цивилизации. В современном мире только Россия сохраняет приверженность идее «империи культуры».

Ключевые слова: империя культуры, Древний Рим, Американская империя, Российская империя, кризис цивилизации.

Igor I. Evlampiev

EMPIRE AND CULTURE. ON THE LAWS AND FORMS OF IMPERIAL DEVELOPMENT OF MANKIND

The article provides a broad definition of the empire as a form of bringing to unity of various peoples, cultures, social groups. It is proved that an empire is a natural and regular form of the organization of humanity, but it is a positive form only when the creation of a high culture becomes its main goal; a good example of this is given by ancient Rome. In the final form, the social model of the “empire of culture” was created by German romanticism and German philosophy of the beginning of the XIX century. This model based on genuine Christianity which recognized man as a free, creative being on the base of the idea of the identity of God and man. However in the history the false Christianity of the church dominated, it denied the inner freedom of man and his ability to create. This tendency in a secularized form was expressed in the worldview of the Enlightenment and in the liberal conception of society, which can be considered a negative variant of the idea of an empire. The final form of the liberal empire is the American empire, which extends its influence to the whole world; its domination means a radical crisis of civilization. In today’s world only Russia remains committed to the idea of an “empire of culture”.

Keywords: Empire of culture, Ancient Rome, American Empire, Russian Empire, crisis of civilization.

Понятие империи обычно определяют в чисто политическом контексте, но его можно попытаться проинтерпретировать и в рамках философского понимания истории, чтобы точнее увидеть значение этой общественно-государственной формы. При таком подходе оказывается, что империя не совпадает с понятием государства, причем не совпадает в существенном смысле: многие государства, которые претендовали на то, чтобы быть империями, на деле не смогли реализовать ее идею; но также можно привести примеры империй, которые не являются государственными, политическими образованиями в буквальном смысле слова. Наиболее наглядный пример последней ситуации дает современная Американская империя. Этот термин достаточно часто применяется в современной публицистике, однако почти все,

кто его применяют, считают его метафорой, а не строгим понятием, допускающим соотнесение с понятием империи в буквальном смысле слова. На наш взгляд, «Американская империя» — это вполне законное понятие, которое можно использовать в точном смысле слова, как мы используем, например, понятие «Римская империя».

Чтобы сделать такой подход обоснованным, необходимо дать философское определение империи, более широкое, чем ее обычные политологические определения. Мы будем исходить из представления о том, что в своем историческом развитии человечество обладает неустранимой тенденцией к единству, к слиянию всех разделенных народов, культур, государств в единое целое. Можно предположить, что *окончательное* соединение и слияние в этом

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01168, Санкт-Петербургский государственный университет).

смысле является очень отдаленной или вообще нереализуемой целью, но тенденция к такому объединению безусловно присутствует на всех этапах развития человечества. Соответственно на всех этапах есть государства или центры политического, культурного, религиозного развития, которые пытаются активно способствовать реализации такого объединения, т. е. пытаются создать целое, в перспективе включающее *все человечество*. Именно таким государствам или центрам можно приписать имперскую тенденцию, а достигнутые ими формы объединения человечества — *империями*, даже если они охватывают ограниченные сферы и в конце концов деградируют, не добиваются успеха.

При таком широком определении империи важно дать четкую классификацию ее возможных типов. Эта классификация основана на выявлении главных факторов, которые обеспечивают объединение людей и социальных общностей. Таких факторов можно выделить четыре: экономический, политический, религиозно-идеологический и культурный. Наиболее понятными и часто упоминаемыми являются первые два фактора. Большинство собственно империй в истории были государственными образованиями, т. е. в них политический фактор абсолютно преобладал, при том что другие факторы часто противоречили политическому единству (например, когда народы, объединяемые в империю были слишком различны по своей культуре и экономическому развитию). Современная Американская империя дает пример объединения, которое, не являясь политическим, строится, главным образом, на экономических основаниях, на универсальной экономической модели, навязываемой всем государствам мира. Хотя в этом случае важным является также идеологический фактор: США обосновывают свою имперскую гегемонию с помощью предположения, что исповедуемая ими либеральная система ценностей является абсолютно универсальной и способна обеспечить прогрессивное развитие всего человечества.

Чтобы понять как эти факторы работали в реальных империях, существовавших в истории, обратимся к первому и самому значимому примеру — к Древнему Риму. Римская империя просуществовала тысячу лет и во всех своих проявлениях стала основанием последующего развития европейской цивилизации. Обычно в ней видят образцовый пример империи, как прежде всего, политико-экономического образования. Действительно, государственная, имперская власть и ее выражение в завоевательной политике — самый известный аспект бытия Древнего Рима, отраженный во множестве исторических сочинений и ставший образцом для имперских правителей последующих эпох. Однако мы хотим обратить внимание на то, что, наряду с несомненным значением политического и экономического фактора, в жизни Римской империи огромную, если не определяющую роль, играл культурный фактор.

Согласно весьма распространенному мнению, римская культура была эклектичной и вторичной

по отношению к культуре Древней Греции. Говоря о двух слагаемых античной культуры — греческом и римском, — подавляющее большинство исследователей считает, что именно греческая культура стала ядром античной культуры как целого, значение же римской культуры связывают только с «массовым» воспроизводством памятников греческой культуры, без придания им сколько-нибудь значимого дополнительного содержания. В поддержку этой точки зрения обычно приводят тот факт, что в эпоху формирования империи Греция находилась на гораздо более высоком уровне культурного развития, чем Рим; завоевание римскими легионами Греции выглядело как нашествие «варваров», не понимающих ценности великой культуры (выразительным свидетельством этого является финал «Всеобщей истории» Полибия, где рассказывается о варварстве римских легионеров при разрушении Коринфа в 146 г. до н. э.).

Тем не менее с течением времени ситуация существенно изменилась. Когда Рим был на более низком уровне культурного развития, чем Греция, он просто заимствовал и копировал образцы высокой греческой культуры. Как известно, даже Пантеон богов Рима был буквальным повторением греческого Олимпа, а ведь религия — это важнейший фактор, определяющий культуру древнего общества. Но по прошествии полутора столетий заимствования римская культура стала жить собственной жизнью и очень далеко ушла от своего греческого основания. Наиболее ясно возникшее различие проступает при сравнении образцов греческой и римской скульптуры — самого важного и показательного жанра античного искусства.

Греческие скульпторы создали непревзойденные образцы пластического изображения человеческого тела, но одновременно греческая культура была удивительно невнимательна к неповторимости человека, к его индивидуальности. В философии Платона, Аристотеля и их продолжателей это даже получило теоретическое обоснование: общее и стереотипное для греков было гораздо ценнее, чем неповторимое и индивидуальное. Портрета в развитой форме греки не знали. В римской скульптуре, наоборот, портретный жанр вышел на первый план, и это стало одной из самых поразительных черт римского искусства: такого проникновения в сущность человеческой индивидуальности древний мир практически не знал. Если в области изображения человеческого тела римляне восприняли все достижения греческой скульптуры и педантично повторяли их на протяжении столетий, то римский скульптурный портрет демонстрирует абсолютное превосходство развитой римской культуры над греческой. То же самое можно сказать про искусство живописи. Хотя до наших дней сохранилось очень мало ее античных образцов, некоторые фрески, найденные в Помпеях, показывают уровень развития этого жанра, сравнимый с европейской живописью эпохи Возрождения и барокко (!), в то же время сохранившиеся греческие образцы очень далеки от этого уровня.

Наконец, в еще одной сфере культуры римляне задали традиции, влияние которых распространилось вплоть до европейского модернизма, — в сфере лирики. Стихотворения Катуллы и его поэтических наследников (Тибулл, Проперций, Гораций, Овидий и др.) демонстрируют такую же тонкость в передаче индивидуального чувства людей, как скульптурный портрет в выражении неповторимости каждой личности. Только в области трагедии римляне не смогли подняться до уровня великих греческих драматургов, Эсхила и Софокла. Но в этой сфере достоинство греческих образцов заключалось в очень глубоком осмыслении идеи судьбы, господствующей над человеком. В последующей европейской культуре эта идея имела весьма ограниченное значение, поэтому и греческая драма оказала гораздо менее значимое влияние, чем римский скульптурный портрет, римская литература и римская архитектура.

Но значение римской культуры для последующей истории Европы связано не только с выдающимися достоинствами отдельных образцов римского искусства, очень важным процессом стало превращение в Древнем Риме высокой культуры в естественное и обязательное слагаемое общественной и личной жизни. Любой римлянин, не говоря уже о представителях интеллектуальной и политической элиты, должен был быть хотя бы в какой-то степени причастным к культуре и ценить ее достижения. Создание культуры стало *важнейшей целью общества*, она выступала в качестве необходимой среды для жизни. Большое значение культуры заставляло относиться к ее созданию как к важнейшей части общественного производства. В результате Римская империя в весьма значительной степени стала *империей культуры*.

Количество и объем культурных памятников, созданных империей до своего падения, были настолько велики, что они продолжали оказывать влияние на сознание людей в течение многих веков после исчезновения самого римского государства. Можно отметить замечательный факт: на протяжении почти всего средневекового периода, продолжавшегося тысячу лет после падения Рима, строители крупных городов, в которых сохранились римские постройки, использовали камни и мрамор с этих построек, Рим даже в чисто материальном смысле, не говоря уже о содержательном, продолжал «питать» культуру Европы.

Таким образом, Римская империя имела значение для последующей истории не только и не столько своими политическими, военными или экономическими достижениями, сколько достижениями *культурными*. Все последующие империи в истории Европы, именно подражая Риму, в той или иной степени поддерживали культуру как важнейший фактор своего существования и тем самым давали ей мощный импульс развития.

Однако в начале XX в. последние «классические» империи, наследовавшие Древнему Риму,

прекратили свое существование и на их место к концу века пришла по-настоящему всемирная империя совсем иного типа, уже упомянутая выше — Американская империя, в существовании которой культурный фактор не играл и не играет никакой роли. Для того чтобы объяснить столь радикальное изменение главного вектора цивилизационного развития западного мира, а с ним и всего человечества, нужно рассмотреть важный исторический процесс, начавшийся в эпоху Возрождения.

Падение Древнего Рима привело к культурной деградации всех народов, входивших в его состав и к воцарению варварства на несколько столетий. Процессы разделения, дифференциации, приводившие к бесконечным конфликтам и войнам, надолго возобладали над тенденцией к объединению человечества. Единственным фактором объединения, т. е. главным двигателем будущих империй, стала религия: европейское человечество осознавало свое единство только через христианство. Христианская церковь была вынуждена принять на себя функции государства, это привело к тому, что и свое учение она должна была приспособить именно к этой задаче, в связи с чем она очень далеко ушла от учения самого Иисуса Христа, от первоначального христианства. Иудаизм создал идеальную форму религиозной организации, приспособленной к тому, чтобы выполнить функции государства, поэтому христианская церковь очень быстро вернулась к этой форме, стала очень похожей на иудейскую церковь. Это привело к тому, что и в церковное учение были возвращены ключевые положения иудаизма, которые решительно отверг Иисус Христос — идея грехопадения и радикального несовершенства человека и идея Бога-Творца, далеко «отстоящего» от мира и человека; современные исследователи раннего христианства приходят к выводу, что в учении Иисуса Христа этих идей не было [3, с. 83–134]. Одновременно церковь отвергла то, что было главным для Иисуса Христа и его первых последователей — *жизнь в духе и достижение духовного совершенства*, наперекор несовершенству материальной жизни. Но главным признаком духовного совершенства является абсолютная внутренняя свобода человека, которая и является источником культуры. В результате, вместо того чтобы быть мощным источником творческой энергии и новых форм культуры, христианство на долгие века стало фактором порабощения человека, превращения его в существо, лишенное собственной воли и подверженное влиянию двух непреодолимых и противоположных сил: воли всемогущего Бога, с одной стороны, и материальных, греховных помыслов и желаний — с другой.

Про этот печальный процесс искажения учения Иисуса Христа, осуществленный церковью, писали многие великие европейские мыслители. Эта тема стала одной из главных для русской философии XIX в. А. Герцен, признавая великое значение учения самого Христа, считал учение Церкви главной формой «закабаления» человека:

«Христианство, религия противоречий, признавало, с одной стороны, бесконечное достоинство лица, как будто для того, чтоб еще торжественнее погубить его перед искуплением, Церковью, Отцом Небесным. Его воззрение проникло в нравы, оно выработалось в целую систему нравственной неволи, в целую искаженную диалектику, чрезвычайно последовательную себе. <...> Христианство, раздвоя человека на какой-то идеал и на какого-то скота, сбilo его понятия; не находя выхода из борьбы совести с желаниями, он так привык к лицемерию, часто откровенному, что противоположность слова с делом его не возмущает» [2, с. 355–357].

Похожим образом описывал искажение первоначального христианского благовестия Вл. Соловьев:

«При Константине Великом и при Констанции к христианству привалили языческие массы не по убеждению, а по рабскому подражанию или корыстному расчету. Явился небывалый прежде тип христиан притворных, лицемеров. <...> Прежнее действительно христианское общество расплылось и растворилось в христианской по имени, а на деле — языческой громаде. Преобладающее большинство поверхностных, христиан не только фактически сохранило языческие начала жизни под христианским именем, но всячески старалось — частью инстинктивно, а частью и сознательно — утвердить рядом с христианством, узаконить и увековечить старый языческий порядок, принципиально исключая задачу его внутреннего обновления в духе Христовом» [8, с. 342–343].

Уже в наши дни К. Свасьян доказывает, что этот процесс явился главной причиной современного духовного кризиса:

«Брожение христианского импульса в самой ранней стадии отмечено раздвоенностью, которой придется стать основополагающим фактом в дальнейших судьбах культуры Европы; индивидуальный гнозис Павла сталкивается здесь со странным гибридом цезаропапизма римской церкви Петра, возмнившей себя наследницей Запада и всячески старающейся обеспечить юридическую сторону дела. Конфликт Петра и Павла, в котором “ветхий человек” одержал победу над первым современным человеком, в веках вырастал до значимости первофеномена европейской духовной жизни <...>» [7, с. 23].

В результате, европейскому сознанию предстал тяжелый выбор между духовной свободой и добровольным рабством, диктат Церкви привел к тому, что выбор был сделан в пользу последнего.

«Сознанию предстоял выбор между грамотностью разумного понимания и безграмотной верой, предпочитавшей абсурд разумности и даже считающей это “подвигом”. Первый путь требовал духовности как исключительно индивидуального праксиса; модель второго пути выглядела куда более скромной и комфортабельной: стадо, ведомое пастырем» [7, с. 63].

Тем не менее Церковь не смогла полностью уничтожить подлинное христианство, оно продолжало жить в трактатах философов (Иоанн Скот Эриугена, Иоахим Флорский, Майстер Экхарт и многие другие) и в толще народного сознания, порождая массовые ереси, подобные ересям катаров, альбигойцев, амальрикан. Когда в XII–XIV вв. Церковь переживала очевидный кризис, эта скрытая тенденция получила явное идейное и культурное выражение — именно подлинное христианство стало главным фактором, породившим эпоху Возрождения.

Церковные историки сделали все возможное для того, чтобы представить Возрождение в качестве антихристианской эпохи, а гуманистов — поклонниками языческой античности. На деле, это мнение ничего общего не имеет с действительностью. Подлинный исток Возрождения находится в творчестве Данте, которого невозможно уличить в измене христианству и в преклонении перед язычеством. Именно поэтому в традиционных изложениях истории Возрождения Данте, вопреки очевидности, выносятся за его рамки. Но для гуманистов XV–XVI вв. именно творчество Данте было главным источником вдохновений, и они не видели никаких противоречий между своими взглядами и его новаторской *христианской* философией.

Наиболее точно суть тех преобразований, которые осуществила эпоха Возрождения в европейском сознании, выразил В. Библихин:

«Возрождая древность, поэтико-философская мысль через голову средневекового возвращалась к раннему, античному христианству. Она поэтому нередко оказывалась ближе к подлинной христианской традиции, чем церковные идеологи, и уверенно искала спора с этой последней, чувствуя, что превосходит ее в верности ее авторитетам. <...> Спецификой Ренессанса было не восстановление античной культуры в ее музейном виде, а ее новое сращение с христианством» [1, с. 337–339].

Раннее христианство, в отличие от церковной его версии, — это учение о духовной свободе человека, и призывает оно не к покорности церковным властям и не к переживанию своей немощности и греховности, а к осознанию своей творческой мощи, которая выражается в созидании культуры. Именно поэтому сущность той реформы общества, которая намечалась в деятельности Данте, Петрарки и Боккаччо, заключалась, по Библихину, в том, чтобы «поэт и философ, вместо священнослужителя и богослова, стал пророком Запада» [1, с. 346].

Церковь, поняв угрозу, исходившую от Возрождения, мобилизовала все свои силы на борьбу с этим новым духом, и в конце концов победила его. В этой борьбе против культуры Возрождения в равной степени выступали и деятели Реформации и деятели Контрреформации (правильнее называть ее католической реформацией), и это не случайно, ведь восстановление подлинного христианства сделало бы не нужными священство и церковь

(в любой ее форме) как посредников между человеком и Богом.

В результате, XVII и XVIII века прошли под знаком восстановленного средневекового мировоззрения, которое Церковь снова навязала европейскому обществу. Наиболее резко об этом пишет Свасьян: «... контрреформационное обновление оказалось декорацией, под прикрытием которой имело место отравление “новорожденной” культуры трупным ядом разлагающейся церкви» [7, с. 193]. Именно поэтому произошедшее в конце XVIII в. раскрепощение человека было весьма далеко от культурного горения Возрождения и больше напоминало бунт рабов против своего господина. В итоге рабы остались рабами, хотя и поменяли своего господина. Эпоха Просвещения явилась карикатурным продолжением и завершением церковной традиции, традиции ложного христианства; в нем старый господин человека — христианский Бог, был просто заменен новым, еще более всемогущим — законами природы, а человек остался таким же рабом, каким и был. Вопреки распространенному мнению, в своем идейном и культурном значении эпоха Просвещения стала не продолжением, а *противоположностью* эпохе Возрождения, через две формы мировоззрения в опосредованной и преображенной форме спорили между собой две исторические версии христианства: в одной из этих форм человек представлял явленным земным Богом, призванным к бесконечному духовному творчеству, в другой — механическим автоматом, агрегатом атомов и физических качеств, полностью управляемых законами природы.

Но подлинное христианство, выразившееся в культуре Возрождения, сохранило свою внутреннюю силу, несмотря на то, что теперь против него действовала не только Церковь, но и ее уродливое и гораздо более мощное порождение — научный разум, не признающий в человеке ничего духовного, бесконечного, творческого. В начале XIX в. оно еще раз в полной мере явило себя в *немецком романтизме* и в немецкой философии, ставшей идейным итогом романтизма. Здесь была создана окончательная философская модель человека как духовного, творческого существа, а цивилизация и история были поняты как формы раскрытия бесконечных потенций духа, как непрерывный процесс создания и бесконечного расширения сферы культуры.

Особенно ясно последнюю мысль выразил И. Фихте в своих поздних религиозно-философских трудах, в которых очень ясно противопоставлены между собой подлинное христианство Иисуса Христа (основанное на принципе *тождества* Бога и человека) и ложное христианство Церкви. В работе «Основные черты современной эпохи», говоря о том, что является предметом его интереса в качестве главной формы исторического развития человечества, Фихте пишет:

«...мы будем держаться только непосредственно тянувшейся к нам нити истории, обращаясь с вопросами только к нашей истории, истории цивилизованной

Европы, как царства культуры в данное время, и оставляя в стороне все другие ветви истории» [9, с. 532].

Фихте пишет про цивилизованную Европу как про «царство культуры», но с не меньшим правом он мог назвать ее «*империей культуры*», поскольку видит единство Европы исключительно с точки зрения ценности культуры, более того, он предполагает, что и все остальные, «побочные» ветви истории также должны рано или поздно войти в указанное «царство культуры», т. е. оно выступает универсальной и, видимо, окончательной формой единства всего человечества (что мы и задали в качестве важнейшего признака империи).

Таким образом, окончательным итогом представлений об истории человечества в рамках традиции подлинного христианства стал идеал *империи культуры*, которая должна объединить всех людей и все народы через подчинение их одной цели — раскрепощению божественного духа в человеке и созданию высокой культуры. Как мы видели, Римская империя, несмотря на ее языческий характер, частично отвечала этому идеалу, ее история наглядно показала, что империя может и должна быть формой организации человечества, действительно ведущей его к духовному совершенству.

Фихте мыслил империю культуры все еще в политических терминах и считал ее возможной, только если она выражается в государстве. Однако это совсем не обязательно. Проникнув из немецкой философии в русскую философию, соответствующие идеи приобрели смысл, независимый от политической философии. Наиболее яркий пример подобных представлений дает теократическая утопия Вл. Соловьева. Он больше говорит о религиозных основаниях этого идеала и о его конкретном устройстве, чем о целях его существования, но если мы поставим прямо вопрос об этих целях, ответ может быть только один, именно такой, какой дает Фихте: идеальная, «теократическая» организация общества, по Соловьеву, необходима для преображения человеческого общества и всего мира по законам красоты, добра и истины, т. е. для превращения всей сферы материальных явлений в сферу культуры. Столь же центральное место понятие культуры занимает и в философских построениях Н. Бердяева и С. Франка, да и у других русских мыслителей культура рассматривалась в качестве важнейшего определения правильной жизни отдельного человека и всего общества. Разве что для мыслителей, ориентировавшихся на церковное христианство (С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев), она часто выступала не в позитивном, а в негативном смысле.

Возвращаясь к эпохе Просвещения, можно заметить, что она также породила глобальную модель общественного устройства — классический либерализм. Хотя либерализм и империя в политологических контекстах понимаются как противоположные социальные формы, в рамках приведенного выше философского определения империи ту модель общества, которую породил западный классический

либерализм, можно признать достаточно типичным примером империи. Ведь либерализм безусловно предполагает, что все люди и все народы должны рано или поздно принять либеральную модель социального устройства и соединиться в рамках единого либерального государства.

Особенно наглядно имперский характер либеральной модели выступает в наши дни, когда происходит ее агрессивное распространение на весь цивилизованный мир. Тот факт, что именно эта модель стала преобладать во второй половине XX в., легко объясняется из особенностей исторического развития Европы и США. Ведь Америка оказалась уникальной страной, идеология которой была полностью заимствована из Просвещения и совершенно не учитывала и не учитывает достижения европейской философии и культуры XIX в. Эта особенность американского мировоззрения зафиксирована многими исследователями [5, с. 130–131], но самое интересное, что она признается и пропагандируется самими американскими идеологами. В качестве примера можно сослаться на недавно изданную книгу Стивена Пинкера [10], мгновенно ставшую бестселлером. В ней все достижения западного мира, как их понимает автор, возводятся к идеям Просвещения, в то же время все отрицательные тенденции и силы современности, сопротивляющиеся прогрессу, научному познанию и всеобщему либеральному освобождению, Пинкер подводит как раз под категорию «романтизма» и его философских и социальных последствий. Если посмотреть в суть такого рода воззрений, определяющих современное социальное и культурное бытие Америки, то они означают абсолютное непонимание того, что в человеке главное — дух, а не тело; как и в среде просветителей XVIII в., в современной Америке любой человек уверен, что он — всего лишь телесный механизм, или, по-современному, «нейрокомпьютер», и ничего духовного, бесконечного и тем более божественного в нем нет. В рамках такой системы представлений высокая культура существовать не может, поэтому в американской либеральной системе она *de facto* отсутствует; то, что там называют «современной культурой» — это грубая карикатура на подлинную культуру, укорененную в духе (это объясняет чрезвычайную популярность в Америке постмодернизма, ведь он дает теоретическое обоснование концу высокой культуры). Все цели американского общества и его отдельных представителей лежат в материальной сфере: это материальное преуспевание, комфорт, хорошее медицинское обслуживание, богатство и т. п.

Американская империя с ее абсолютным господством материальных ценностей оказалась полной противоположностью романтической империи культуры, ее победа стала знаком радикального кризиса западной цивилизации. Старая культурная Европа с помощью двух мировых войн совершила фактическое самоубийство, и на ту территорию, где продолжали существовать европейские этносы,

но уже отсутствовал европейский дух, пришла Американская империя и установила здесь свой порядок. Постепенно эта имперская и очень жесткая структура распространяет свою власть на все большую часть человечества. В то же время романтическая модель продолжает жить только в традициях русской философии и в общественной практике России, возрождающей наиболее ценные элементы из общественной практики Российской империи, которая в лучшие периоды своего существования приближалась к указанной романтической модели [6, с. 184–186, 504–511]. При этом отношение русской культуры к более старой и развитой западной культуре очень похоже на ту модель, которую мы видели во взаимодействии Древней Греции и Древнего Рима [4, с. 445–464]. После столетия заимствований и подражаний, русская культура в XIX–XX вв. придала европейским культурным образцам настолько оригинальное развитие, что ее достижения даже превзошли достижения других европейских культур. В наши дни, когда сама Европа отреклась от своего культурного прошлого, именно русская культура с наибольшей полнотой выражает суть многовековой европейской культуры.

Нынешнее противостояние России и Америки только кажется происходящим от сиюминутных политических причин, на деле же оно отражает абсолютную противоположность двух путей развития цивилизации. И хотя очень многие считают, что в этом противостоянии силы не равны, поскольку «валовой национальный продукт», производимый одной из сторон, в несколько раз больше, чем производится другой, на это можно заметить, что цивилизация, которая добровольно отреклась от духа и от божественного начала в себе, которая не признает, что человек существенно отличается от животного, не может победить в исторической перспективе, или ее победа будет концом всей человеческой цивилизации.

Литература

1. Бибихин В. В. Новый Ренессанс. М.: Мысль, 1998.
2. Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Соч.: В 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1955. С. 231–375.
3. Евлампиев И. И. Неисказенное христианство и его первоисточники // Соловьевские исследования. 2016. № 4. С. 66–134.
4. Евлампиев И. И. Русская философия в европейском контексте. СПб.: Издательство РХГА, 2017.
5. Кайзерлинг Г. фон. Америка. Заря нового мира. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
6. Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2007.
7. Свасьян К. А. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002.
8. Соловьев В. С. Об упадке средневекового миросозерцания // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 339–350.
9. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 359–617.
10. Pinker S. Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. New York: Viking, 2018.